

Комплекс фоминского этапа кулайской культуры городища Городище 3

Александр А. Казаков^a, @, ID

^a Барнаульский юридический институт МВД Российской Федерации, Россия, г. Барнаул

@ kaa-2862@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-2652-2002>

Поступила в редакцию 05.06.2020. Принята к печати 06.07.2020.

Аннотация: Публикуются материалы фоминского этапа кулайской культуры с памятника Иткульского микрорайона, находящегося в лесостепном Алтае. Дается подробное описание памятника и раскопа. На памятнике исследована площадь в 320 м². Раскопом выявлены жилище (полуземлянка с площадью котлована 25 м² и выходом коридорного типа), хозяйственная постройка и другие конструкции. Исследована линия ров-вал. На основании полученных материалов (керамический комплекс, панцирная пластина) с привлечением естественно-научных методов произведена культурно-хронологическая интерпретация публикуемого комплекса. Памятник датирован концом III – первой половиной IV в. и отнесен к фоминскому этапу кулайской культуры. Статья снабжена иллюстрациями, в которые включены все артефакты этого комплекса, за исключением фрагментов керамики без орнамента. Материалы публикуются впервые. Введение в научный оборот представленного комплекса позволяет значительно дополнить источниковую базу по изучению древней истории лесостепного Алтая первой половины I тысячелетия. Учитывая, что комплекс представляет артефакты без культурноинородных хронологически близких примесей, его материалы представляют особую ценность для решения дискуссионной проблемы о выделении комплексов фоминского этапа и их культуромаркирующих признаков, что достаточно актуально не только для лесостепного Алтая, но и для сопредельных территорий, на которых имеются аналогичные культурно-хронологически идентичные комплексы (Новосибирская и Кемеровская области).

Ключевые слова: лесостепной Алтай, первое тысячелетие, керамика, хронология, жилище, атрибутика

Для цитирования: Казаков А. А. Комплекс фоминского этапа кулайской культуры городища Городище 3 // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 618–625. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-618-625>

Введение

Городище 3 является одним из памятников Иткульского микрорайона, одного из самых известных на территории Алтайского края. За более чем 110-летнюю историю его исследования различными учеными на территории этого микрорайона, включающего берега озер Большой и Малый Иткуль, исток р. Чемровка до с. Комарово, выявлено порядка 56 памятников археологии, датирующихся от эпохи неолита до позднего Средневековья. Несмотря на то, что памятники этого микрорайона достаточно полно освещены в научной литературе и имеют объемную историографию [1], пока еще нет работы, в которой были бы собраны воедино все имеющиеся по этому микрорайону сведения, проанализированы последовательно сменяющиеся культурно-хронологические группы памятников, проведено комплексное исследование имеющегося материала с применением естественнонаучных методов. Опыт работы великолепного методолога М. П. Грязнова с подобным локальным комплексом памятников в урочище Ближние Елбаны наглядно демонстрирует преимущества подобного комплексного подхода [2].

Не учитывая отсутствия подобного глобального исследования, далеко не все материалы этого комплекса введены

в научный оборот. Таким памятником, сведения о котором уже имеются в научной литературе, но материалы которого до сих пор не опубликованы, является городище Городище 3 [1; 3; 4].

Памятник расположен на залесенной террасе южного берега оз. Большой Иткуль, в 1,9 км к востоку-юго-востоку от заброшенного пионерского лагеря «Бригантина» и в 1,4 км к юго-западу от западной окраины с. Вершинино, в Зональном районе Алтайского края. Открыт Б. Х. Кадиковым в 1955–1958 гг. в результате проводимых им работ по археологическому обследованию озер. Урочище местными называется «крути» или «городища». Это связано с хорошо выраженными в рельефе рвами и валами, которыми окружено городище и располагающиеся в непосредственной близости от него Городище 1 и Городище 2 [1, с. 65, рис. 3-1]. На этой же террасе, на небольшом расстоянии в западном направлении от описываемого памятника, располагаются Городище 4, Городище 5, Городище 6. Все эти памятники окружены круговыми ограничительными линиями.

Высота бортовой террасы, на краю которой расположено городище, составляет порядка 7 м. Площадка городища овальная, с длинной осью по линии *запад – восток*. Размеры площадки 31х41 м, площадь порядка 1000 м². С напольной

стороны площадка ограничена рвом шириной до 4 м и глубиной от 0,8 до 1,4 м. Со стороны озера край террасы срезан, что выделяет небольшую плоскую площадку шириной до 3 м. Вал отсутствует. С внешней стороны рва, перед ограниченной площадкой, прослеживается выброс из рва высотой до 0,15 м. На ограниченной площадке городища прослеживаются три западины подпрямоугольной формы (рис. 1). Размеры западины № 2 – 8,5х12 м, глубина – 0,25 м. Вытянута по линии *запад – восток*. В западине хорошо прослеживаются шурфы, вероятнее всего, заложенные Б. Х. Кадиковым. Размеры западины № 3 – 3,5х6 м, глубина – 0,4 м. Вытянута по линии *восток-юго-восток – запад-северо-запад*. Западина № 1 была исследована раскопом (рис. 1).

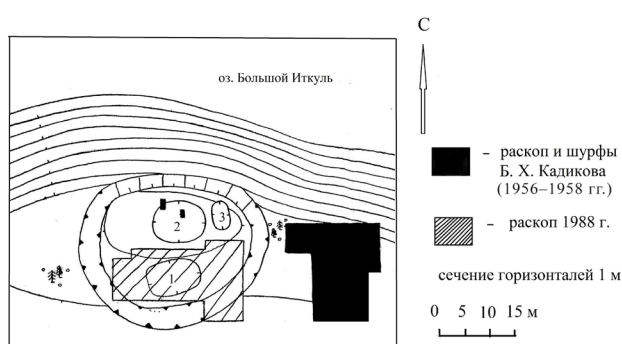

Рис. 1. Глазомерный план Городища 3
Fig. 1. Ocular estimation plan of Gorodishche 3

Описание комплекса Городище 3

Раскоп был заложен в южной части городища. Конфигурация раскопа выбрана с целью получения наибольшего количества информации – полностью исследована западина № 1, часть площади между западинами и линия ров-вал. Общая площадь раскопа составила 320 м² (рис. 2).

Памятник оказался достаточно сложным. Расположение его в сосновом бору, на террасе с густой растительностью и развитой корневой системой, боровыми, легкими и рыхлыми почвами неоднократно вызывало разногласия среди членов экспедиции при трактовке некоторых исследуемых объектов. Кроме того, он оказался двухслойным. Нижний горизонт представлен находками эпохи энеолита, верхний – фоминского этапа кулайской культуры. Эти горизонты достаточно хорошо выражены стратиграфически, хотя и не разделены стерильной прослойкой. Все материалы, происходящие из нижнего, наиболее раннего горизонта, опубликованы [5]. Задачей настоящей публикации является введение в научный оборот материалов верхнего горизонта.

Сооружения верхнего горизонта хорошо выделялись на современной дневной поверхности планиграфически. Описание ограничительной линии, состоящей из рва и выброса из него на внешнюю сторону, дано выше. Исследованная западина № 1 имела подпрямоугольную форму с размерами 7х11,5 м и глубину 0,3 м. Длинной осью ориентирована по линии *запад-юго-запад – восток-северо-*

восток (рис. 1). Культурный слой верхнего горизонта очень слабо насыщен находками. Материал верхнего горизонта неоднороден. Наряду с находками фоминского этапа кулайской культуры в его составе присутствовали и артефакты, представляющие нижний, более древний горизонт. Они попали в верхний горизонт в результате перекопов при ведении хозяйственной деятельности древних насельников, оставивших после себя западины и ров.

После типологического разделения материала к верхнему горизонту отнесены фрагменты и скопления керамики (рис. 3, 1–7). Встречены и фрагменты костей, но ввиду присутствия в верхнем горизонте материала из нижнего горизонта, попавшего туда во время деятельности по сооружению городища, с полной уверенностью, к какому комплексу они относятся – раннему или позднему, говорить не приходится. Интересной находкой является панцирная железная пластина с заклепками (рис. 3, 8).

Четких закономерностей в распределении материала не выявлено. Из восьми встреченных скоплений керамики три находились в заполнении западины, причем без выделения какой-либо зоны локализации, три находились с северной стороны западины (ближе к озеру), одно – на входе в западину и одно – во рве. Железная пластина также найдена в заполнении рва (рис. 2).

Все конструкции фиксировались на первом слое зачистки, сразу после снятия дерна, на глубине 7–10 см. Контуры конструкций из-за особенностей раскопа, о которых было сказано выше, не отличались особой четкостью. Всего в раскопе зафиксированы контуры западины, двух кострищ, восьми ям, рва и ровика для частокола (?).

Одно кострище зафиксировано у юго-западного угла котлована, другое, более крупное – у северо-восточного (рис. 2). Первое кострище имело неправильную форму и размеры 0,45х0,55 м. Находок в нем не встречено. Второе кострище было более крупным (1х2,5 м). В заполнении этого кострища встречены мелкие фрагменты керамики и пережженных костей.

Заполнение всех ям, несмотря на их различную форму, было практически одинаковым. В заполнении ям находок не встречено, за исключением ямы 5 (небольшое скопление угля у дна) и ямы 7 – несколько фрагментов керамики. Планиграфически ямы расчленяются на две группы. Одна (ямы № 1–4) располагается в восточной части раскопа в районе рва, вторая (ямы № 5–8) – вокруг западины. Назначение ям неизвестно. На уровне гипотезы можно предположить, что они появились в результате выемки грунта для утепления конструкции, воздвигнутой над западиной. Об этом свидетельствует их расположение вокруг котлована западины.

Наибольшие размеры имела яма № 8, расположенная у северо-западного угла котлована. Ее размеры составляли 2,4х3 м. С востока, вероятнее всего, прослеживался вход. О ее назначении как хозяйственной конструкции могут свидетельствовать и гипотетические столбовые ямки.

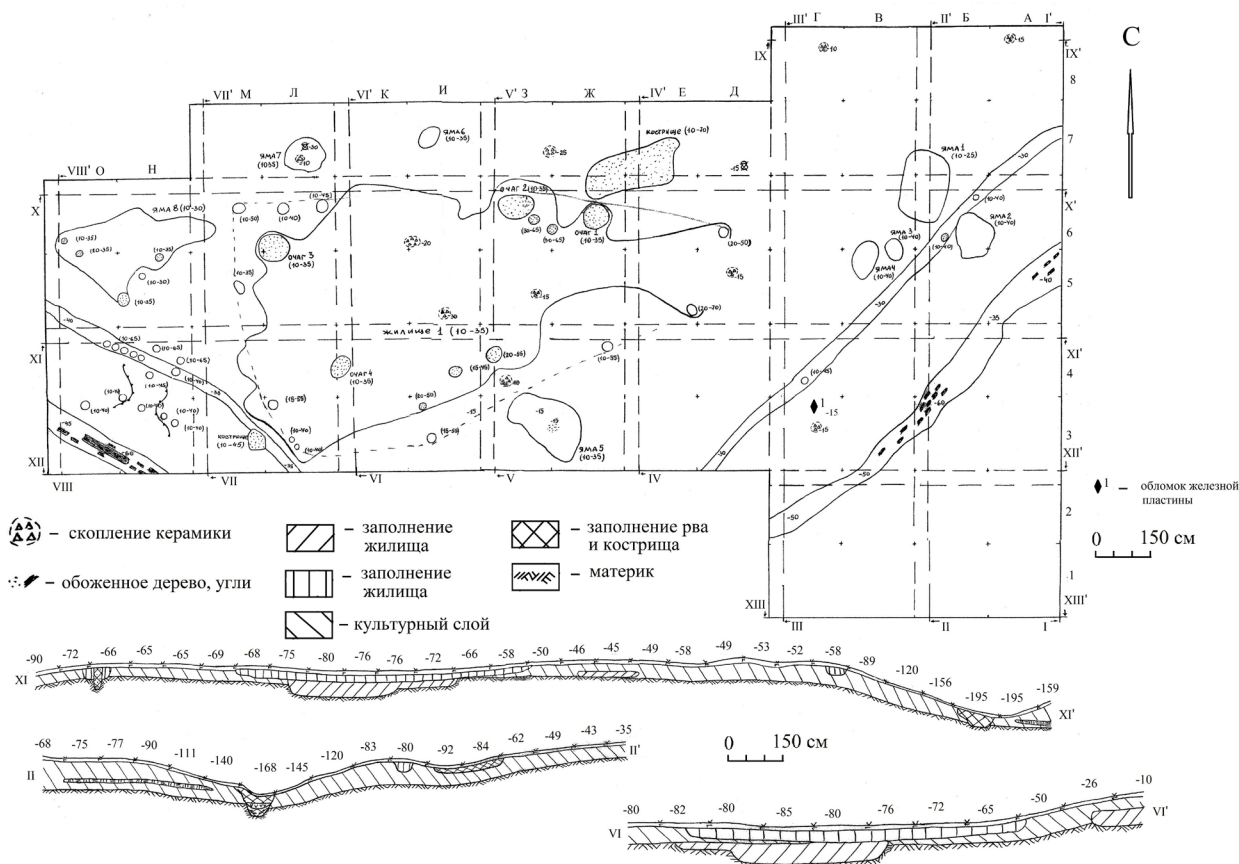

Рис. 2. План раскопа и профили бровок городища Городище 3
Fig. 2. Excavation plan and baulk sections of Gorodishche 3

Здесь необходимо отметить, что как раз по поводу т. н. столбовых ямок и происходило наибольшее количество дискуссий, в которых мнения разделились. Одна часть считала, что они есть, другие их либо не видели, либо таковыми не считали. Сомнения вызывает отсутствие в их заполнении остатков дерева и тот факт, что они не были заглублены в дно котлована. Наличие этих пятен за пределами котлованов и ям также вызывает сомнения в их трактовке как столбовых ямок. Расположение исследуемого объекта в основном бору с достаточно плотной растительностью позволяет трактовать эти ямки как сгнившие либо сгоревшие остатки небольших деревьев, хотя и не исключает возможности рассматривать их как остатки столбов – конструктивных элементов постройки, от которой остался исследуемый котлован. Степень сохранности этих объектов не позволяет однозначно интерпретировать их назначение, однако отсутствие следов их заглубления в дно котлована заставляет сильно усомниться в их предназначении как части конструкции постройки. На уровне теперь уже недоказуемой гипотезы их можно называть столбовыми ямками. Это же замечание относится и к остаткам частокола. Иногда возникало ощущение, что они располагались там, где их хотели видеть. Держатель листа, прекрасный полевик

М. Т. Абдулганеев, не всегда мог однозначно и уверенно говорить об их наличии. Недаром даже в отчете, рядом со словосочетанием *столбовые ямки* у него в скобках стоит знак вопроса. Стремление к объективности не позволяет умолчать об этом факте. Возможно, что будущие исследования позволят более конкретно определиться с механизмом появления этих объектов и найдут более объективные способы их фиксации и исследования, тем более что на памятнике еще имеется два неисследованных объекта.

Контуры исследованного котлована, как и контуры всех остальных конструкций, были зафиксированы сразу под дерном, с глубины 7–10 см. Форма котлована в плане аморфная. Видимо, стенки в мягком песчаном грунте оплыли. Первоначально, вероятнее всего, котлован имел прямоугольную форму. Об этом свидетельствуют его границы на поверхности, до начала работ, южная стенка и юго-западный угол (рис. 2). Площадь котлована порядка 25 м². Примерные размеры котлована – 4х6 м. С востока зафиксирован выход коридорного типа, длиной около 5 м. Его наименьшая ширина (в месте, где он выходит из котлована) – 1,3 м, на выходе – 2,7 м. По периметру котлована, как с внутренней, так и с внешней стороны, прослежены столбовые ямки (?). Внутри котлована зафиксированы остатки четырех

наземных очагов открытого типа. Форма их округлая или овальная, размеры от 0,45х0,65 до 0,65х1 м, находок в углестом заполнении очагов не было, прокалы не зафиксированы. Один очаг располагался у северо-западного угла жилища, другой – у северо-восточного, еще один – у северной стенки около входа и еще один – ближе к юго-западному углу.

Заполнение котлована хорошо фиксировалось в бровке. Его глубина составила 0,35 м от современной дневной поверхности. В материк котлован не впущен.

Такие особенности исследованной конструкции, как наличие выхода коридорного типа, очагов и скоплений керамики, позволяют трактовать исследованный котлован как жилище.

Ров хорошо фиксировался по более темному заполнению. Ширина его составляла от 0,4 до 1,3 м, глубина – от 0,35 до 0,65 м. На внешней стороне рва фиксировался выброс из него. В заполнении рва встречались отдельные уголки и мелкие фрагменты керамики. В юго-восточной части встречена панцирная железная пластина. У дна рва во многих его частях прослежены остатки обожженных плашек (рис. 2).

Вдоль внутренней границы рва, на расстоянии порядка 3 м от него, прослежена канавка глубиной до 0,35 м. В этой канавке местами фиксировались неглубокие столбовые ямки, не превышающие глубины канавки. Наличие этой канавки и ямок внутри нее позволяет предполагать наличие небольшого частокола, огораживающего жилищные и хозяйственные постройки. Функциональное назначение этого частокола неясно. Вероятнее всего, он выполнял роль поскотины, ограничивающей границы территории жилой зоны и затрудняющей доступ на эту территорию как скота, так и нежелательных посетителей. Метрические характеристики этой конструкции не позволяют трактовать ее как элемент фортификации. О функциональном назначении линии ров-вал на кулайских и одинцовских городищах уже говорилось, поэтому на этом вопросе останавливаться не будем.

Результаты

Определение культурно-хронологической принадлежности описанного комплекса не вызывает особых затруднений. Основным индикатором здесь выступает керамический комплекс. Даже несмотря на его малочисленность, он достаточно выразителен.

Судя по полному отсутствию фрагментов плоских днищ, можно говорить о его круглодонности. Сохранившиеся венчики свидетельствуют о баночной форме сосудов (рис. 3, 2–5, 7). Два венчика имеют крайне слабую профилировку, что свидетельствует о наметавшемся переходе к горшковидным формам (рис. 3, 1, 6). Судя по большим фрагментам сохранившихся венчиков можно говорить о приземистости форм, когда высота сосуда равна или чуть меньше диаметра его устья.

Из орнаментальных элементов встречены ямки (рис. 3, 1, 4, 6), гребенчатая уточка (рис. 3, 5), гребенчатый полулунный штамп (рис. 3, 4) и насечки (рис. 3, 2, 3, 7).

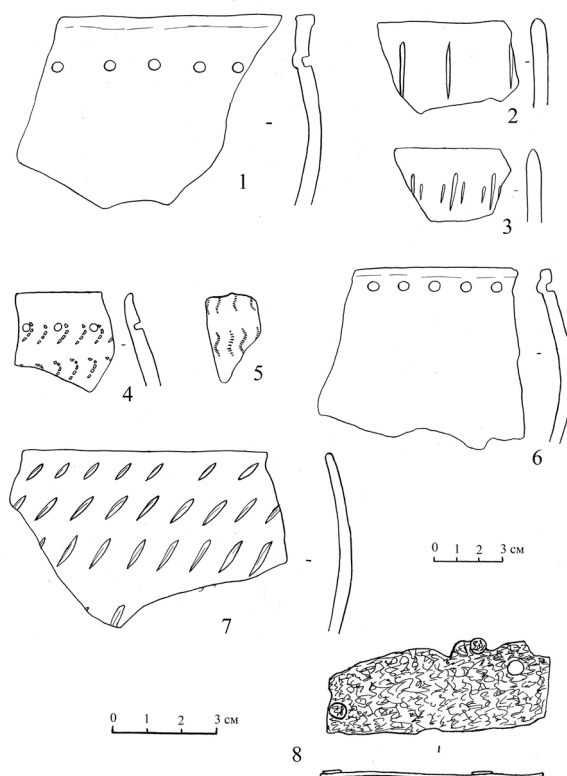

Рис. 3. Фрагменты керамики (1–7) и железная панцирная пластина (8) с городища Городище 3

Fig. 3. Fragments of pottery (1–7) and an iron shell plate (8) from Gorodishche 3

Орнаментальная композиция проста. Украшалась лишь верхняя часть сосудов (верхняя треть). Ямки используются как самостоятельный элемент орнамента, так и в сочетании с другими элементами. Более одного элемента орнамента (кроме сочетания с ямками) на орнаментальном поле не встречается. В орнаментальной композиции присутствует только один мотив – горизонтальный.

Сочетание всех вышеперечисленных признаков свидетельствует о принадлежности описанного керамического комплекса, а следовательно и всего исследованного верхнего горизонта к фоминскому этапу кулайской культуры. Необычным является широкое распространение такого орнаментального элемента, как насечки, которых пока не встречено на других керамических комплексах кулайской керамики лесостепного Алтая. Несмотря на это, наличие культуродиагностического элемента – гребенчатого S-видного штампа, иногда называемого гребенчатой уточкой, который не встречается больше ни на каких других орнаментальных комплексах, кроме кулайского, позволяет нам отнести этот комплекс именно к фоминскому этапу кулайской культуры. Наличие насечек на этой керамике, вероятнее всего, объясняется взаимодействием с представителями культур раннего железного века лесостепного Алтая (каменской, староалейской или быстрианской), у которых

этот элемент в орнаментации керамики распространен достаточно широко [5].

Подобная керамика встречена в пункте БЕ-7 [2, табл. 50], погребениях могильника Татарские могилки (памятник известен под разными названиями, обоснование используемого названия смотрите в [6, с. 6–7]) [7, с. 30–31, 207–209; 8, с. 145–146], на поселении Малый Иткуль 1 [9, с. 105], городище Малый Иткуль 6 [1, с. 54, 72], пункте БЕ-3 [10] и других памятниках Алтайского края.

Фоминский этап кулайской культуры датируется в пределах второй половины II–IV вв. [7, с. 114; 11, с. 44; 12–14]. Эту дату подтверждают и наблюдения В. В. Горбунова. По его мнению, панцирная пластина, найденная во рве городища Городище 3, датируется III – первой половиной IV в. [15].

Кроме того, имеются и данные радиоуглеродного датирования этого памятника, проведенного по образцам дерева в лаборатории четвертичной геологии СО РАН. Анализ показал возраст образца в пределах первой половины IV в. (СОАН-2996, 310 ± 25 лет н. э.).

Все это позволяет нам достаточно уверенно датировать памятник концом III – первой половиной IV в. и отнести представленный комплекс к фоминскому этапу кулайской культуры на территории лесостепного Алтая.

Заключение

Публикуемый комплекс позволяет поставить вопрос о выделении культуродиагностирующих признаков керамики

фоминского этапа кулайской культуры или самостоятельной фоминской культуры. Существующие в настоящее время работы характеризуют керамические комплексы преимущественно погребально-поминальных памятников [2; 7; 8]. Анализу поселенческих комплексов этого времени посвящены две крупные обобщающие работы [11; 12], изданные более 30 лет назад, но не утратившие своей актуальности и сегодня, т. к. до последнего времени этому вопросу уделялось недостаточно внимания.

За этот период накопился достаточно представительный фонд источников как с однослойных, так и с многослойных поселенческих комплексов лесостепного Алтая, до настоящего времени слабо представленный в научной литературе. Даже предварительный анализ этих материалов позволил поставить вопрос о пересмотре как нижней хронологической границы памятников фоминского типа, так и о выделении признаков, позволяющих керамические комплексы соотносить с различными этапами развития кулайской культурно-исторической общности [9; 14; 16–29].

Именно в этом плане однослойные поселенческие комплексы, пускай и с небольшим количеством находок, представляют огромный интерес для исследователей, с них происходят «чистые», эталонные коллекции, анализ которых уже в настоящее время позволяет выделить признаки, характерные именно для памятников фоминского типа. Представленный комплекс как раз относится к такому кругу памятников.

Литература

1. Абдулганеев М. Т., Кадиков Б. Х., Кирышин Ю. Ф., Кунгурова Н. Ю. История исследования археологических памятников Зонального района // Зональный район. История, люди и судьбы / ред. Ю. Ф. Кирышин. Барнаул: Управление архивного дела администрации АК, 2003. С. 50–78.
2. Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. № 48. 256 с.
3. Абдулганеев М. Т., Казаков А. А. Кулайская культура (I–IV вв. н.э.) на территории лесостепного Алтая // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Кн. 1. Поселения и жилища / под общ. ред. Н. В. Лукиной. Томск: ТГУ, 1994. С. 303–306.
4. Абдулганеев М. Т., Кунгурова Н. Ю. Ранние культурные слои Малого Иткуля 1 и Городища 3 // Проблемы изучения древней и средневековой истории / отв. ред. Ю. Ф. Кирышин, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 18–27.
5. Абдулганеев М. Т., Владимиров В. Н. Типология поселений Алтая 6–2 вв. до н. э. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. 148 с.
6. Григоров Е. В., Казаков А. А. Барнаульско-Бийское Приобье в I–XII вв. (по данным погребального обряда). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2018. 230 с.
7. Ширин Ю. В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н. э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Кузнец. крепость, 2003. 288 с.
8. Уманский А. П. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // Бронзовый и железный век Сибири / отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1974. С. 136–149.
9. Абдулганеев М. Т. Фоминский комплекс поселения Малый Иткуль-1 // Проблемы изучения древней и средневековой истории / отв. ред. Ю. Ф. Кирышин, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 103–110.
10. Казаков А. А. Материалы первого тысячелетия с памятника Ближние Елбаны 3 (по материалам Государственного Эрмитажа) // Народы и религии Евразии. 2019. № 1. С. 18–25. DOI: 10.14258/nreur(2019)1-02
11. Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. 126 с.
12. Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. 255 с.

13. Казаков А. А. Материалы I тысячелетия со сборов у с. Фоминского // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2016. № 22. С. 116–121.
14. Горбунов В. В. Культурно-исторические процессы на территории лесостепного Алтая в I тыс. н. э. // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. (Барнаул, 2–7 октября 2017 г.) Барнаул: АлтГУ, 2017. С. 272–273.
15. Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. 1. Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 173 с.
16. Бородаев В. Б., Горбунов В. В. Троицк-1 – новое поселение кулайской культуры на левобережье Барнаульского Приобья // Охрана и изучение культурного наследия Алтая / отв. ред. Ю. Ф. Кирышин. Барнаул: АлтГУ, 1993. Т. 2. С. 183–189.
17. Бородаев В. Б. Новообинцевский клад // Антропоморфные изображения / отв. ред. Р. С. Васильевский. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1987. С. 96–114.
18. Горбунов В. В. Ритуальные захоронения животных кулайской культуры (грунтовый могильник Обские Плесы 2) // Погребальный обряд древних племен Алтая / отв. ред. Ю. Ф. Кирышин, А. Л. Кунгуров. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1996. С. 156–166.
19. Григоров Е. В. К вопросу о нижней хронологической границе памятников фоминского типа в Верхнем Приобье (по материалам поселений) // Древние поселения Алтая / ред. Ю. Ф. Кирышин, А. Л. Кунгуров. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998. С. 212–213.
20. Иванов Г. Е. Поселение Бочанцево 1 – памятник кулайской культуры в степном Алтае // Охрана и исследование археологических памятников Алтая: тезисы докладов и сообщений к конф. (Барнаул, 12–13 апреля 1991 г.) Барнаул: БГПУ, 1991. С. 117–121.
21. Тишкин А. А., Горбунов В. В. Погребения кулайской культуры на памятнике Кармацкий в Барнаульском Приобье // Игорь Геннадьевич Глушков / редкол.: В. И. Молодин, Н. В. Конопина, Т. Н. Глушкова. Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2012. Ч. 3. С. 102–109.
22. Шамшин А. Б., Сингаевский А. Т. Этнокультурная ситуация на территории Барнаульского Приобья в конце 3 в. до н. э. – 1 в. н. э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири / сост. В. И. Соенов. Горно-Алтайск: АКИН, 2007. Вып. 5. С. 51–79.
23. Ширин Ю. В. О ранних кулайских памятниках Верхнего Приобья // Российская археология. 2004. № 2. С. 51–60.
24. Ширин Ю. В. Размещение и культурная специфика южных групп памятников кулайской культурной непрерывности // Интеграция археологических и этнографических исследований / гл. ред. Н. А. Томилов. Барнаул; Омск: Наука, 2015. С. 145–148.
25. Горбунов В. В., Кунгуров А. Л. Памятники первой половины I тыс. н. э. археологического комплекса Малый Гоньбинский Кордон-1 в Барнаульском Приобье // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 2. С. 150–157. DOI: 10.14258/izvasu(2018)2-26
26. Горбунов В. В., Папин Д. В. Местонахождение МГК-1 – новый памятник фоминского этапа кулайской культуры // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2017. № 23. С. 66–70.
27. Чемякин Ю. П. О нижней дате и ареале формирования кулайской культуры // Интеграция археологических и этнографических исследований / гл. ред. Н. А. Томилов. Барнаул; Омск: Наука, 2015. С. 136–139.
28. Рыбаков Д. Ю. Керамический комплекс поселения Рюзаково (Духовое) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2011. № 11. С. 87–94.
29. Рыбаков Д. Ю. Статистический анализ керамического комплекса городища Тимирязево III и его культурно-хронологический контекст // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4. С. 156–161. DOI: 10.17223/19988613/42/28

Complex of Settlement Gorodishche-3 Belonging to Fominsky Stage of Kulaiskaya Culture

Aleksandr A. Kazakov^a, @, ID

^a Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Russia, Barnaul

@ kaa-2862@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-2652-2002>

Received 05.06.2020. Accepted 06.07.2020.

Abstract: The article introduces materials of the Fominsky stage of the Kulaiskaya culture from the site in the Itkul microdistrict located in the forest-steppe Altai. It gives a detailed description of the site and its excavation. The site covered an area of 320 m². The excavation revealed a semi-dugout with a pit area of 25 m² and a corridor-type exit, a household building, and other structures. The author focuses on the moat and earthwork line and made a cultural and chronological interpretation of the complex based on ceramic and shell plate. The monument dates back to the late III – first half of the IV century and belongs to the Fominsky stage of the Kulaiskaya culture. The article contains previously unpublished photos of all the artifacts, except plain pottery. The introduction of the presented complex into scientific circulation improves the source base of ancient history studies of the forest-steppe Altai in the first half of the 1st millennium. The complex contains artifacts unpolluted with any culturally similar and chronologically close artifacts, which means that it can help identify the Fominsky stage and their cultural-markers. The matter is important not only for the archaeology of the forest-steppe Altai, but also for the neighboring territories with culturally and chronologically similar complexes in Novosibirsk and Kemerovo Regions.

Keywords: forest-steppe Altai, the first millennium, ceramics, chronology, dwelling, attribution

For citation: Kazakov A. A. Complex of Settlement Gorodishche-3 Belonging to Fominsky Stage of Kulaiskaya Culture. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 618–625. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-618-625>

References

1. Abdulganeev M. T., Kadikov B. Kh., Kiryushin Yu. F., Kungurova N. Yu. History of the study of archaeological sites of the Zonal District. *Zonal district: history, people and destinies*, ed. Kiryushin Yu. F. Barnaul: Upravlenie arkhivnogo dela administratsii AK, 2003, 50–78. (In Russ.)
2. Gryaznov M. P. *The history of the ancient tribes of the Upper Ob based on the excavations at Bolshaya Rechka village*. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1956, 256. (In Russ.)
3. Abdulganeev M. T., Kazakov A. A. Kulay culture (I–IV centuries AD) on the territory of the forest-steppe Altai. *Essays on the cultural genesis of the peoples of Western Siberia. Vol. 1. Book 1. Settlements and dwellings*, ed. Lukina N. V. Tomsk: TGU, 1994, 303–306. (In Russ.)
4. Abdulganeev M. T., Kungurova N. Yu. Early cultural layers of Maly Itkul 1 and Gorodishche 3. *Problems of studying ancient and medieval history*, eds. Kiryushin Yu. F., Tishkin A. A. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2001, 18–27. (In Russ.)
5. Abdulganeev M. T., Vladimirov V. N. *Typology of Altai settlements 6–2 centuries BC*. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta, 1997, 148. (In Russ.)
6. Grigorov E. V., Kazakov A. A. *Barnaul-Biysk Ob region in the I–XII centuries (according to the funeral rite)*. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta, 2018, 230. (In Russ.)
7. Shirin Yu. V. *Upper Priobye and Foothills of the Kuznetsk Alatau at the beginning of the I millennium AD (funerary sites of the Fominskaya culture)*. Novokuznetsk: Kuznets. krepost, 2003, 288. (In Russ.)
8. Umanskii A. P. Burial grounds of the Upper Ob culture on the Upper Chumysh. *Bronze and Iron Age of Siberia*, ed. Larichev V. E. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1974, 136–149. (In Russ.)
9. Abdulganeev M. T. Fominsky complex of the settlement of Maly Itkul-1. *Problems of studying ancient and medieval history*, eds. Kiryushin Yu. F., Tishkin A. A. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2001, 103–110. (In Russ.)
10. Kazakov A. A. Materials of the 1st millennium monument Blizhnie Elbany 3 (materials of the State Hermitage). *Nations and Religions of Eurasia*, 2019, (1): 18–25. (In Russ.) DOI: 10.14258/nreur(2019)1-02
11. Troitskaya T. N. *Kulay culture in the Novosibirsk Ob region*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1979, 126. (In Russ.)
12. Chindina L. A. *Ancient history of the Middle Ob region in the Iron Age*. Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta, 1984, 255. (In Russ.)

13. Kazakov A. A. Materials of the I millennium from collections near the village Fominsky. *Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory*, 2016, (22): 116–122. (In Russ.)
14. Gorbunov V. V. Cultural and historical processes on the territory of the forest-steppe Altai in the 1st millennium AD. V (XXI) *All-Russian Archaeological Congress*, Barnaul, October 2–7, 2017. Barnaul: AltGU, 2017, 272–273. (In Russ.)
15. Gorbunov V. V. *Military affairs of the Altai population in the III–XIV centuries. Pt. 1. Defensive weapons (armor)*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2003, 173. (In Russ.)
16. Borodaev V. B., Gorbunov V. V. Troitsk-1 – a new settlement of the Kulai culture on the left bank of the Barnaul Ob region. *Protection and study of the cultural heritage of Altai*, ed. Kiryushin Yu. F. Barnaul: AltGU, 1993, vol. 2, 183–189. (In Russ.)
17. Borodaev V. B. Novoobintsevsky treasure. *Anthropomorphic images*, ed. Wasilewski R. S. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1987, 96–114. (In Russ.)
18. Gorbunov V. V. Ritual burials of animals of the Kulai culture (underground burial ground Obskie Plesy 2). *Burial ritual of the ancient Altai tribes*, eds. Kiryushin Yu. F., Kungurov A. L. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta, 1996, 156–166. (In Russ.)
19. Grigorov E. V. On the question of the lower chronological boundary of the Fominsk-type monuments in the Upper Ob region (based on materials from settlements). *Ancient settlements of Altai*, eds. Kiryushin Yu. F., Kungurov A. L. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1998, 212–213. (In Russ.)
20. Ivanov G. E. Settlement Bochantsevo 1 – a monument of the Kulai culture in the steppe Altai. *Protection and use of archaeological sites of Altai: Proc. Conf.*, Barnaul, April 12–13, 1991. Barnaul: BGPU, 1991, 117–121. (In Russ.)
21. Tishkin A. A., Gorbunov V. V. Burials of the Kulay culture at the Karmatsky monument in the Barnaul Ob region. *Igor Gennadievich Glushkov*, ed. board: Molodin V. I., Konoplina N. V., Glushkova T. N. Khanty-Mansiysk: OOO "Pechatnyi mir g. Khanty-Mansiisk", 2012, pt. 3, 102–109. (In Russ.)
22. Shamshin A. B., Singaevskii A. T. Ethnocultural situation in the Barnaul Ob region at the end of the 3rd century BC – 1 century AD. *Study of the historical and cultural heritage of the peoples of Southern Siberia*, comp. Soenov V. I. Gorno-Altaysk: AKIN, 2007, iss. 5, 51–79. (In Russ.)
23. Shirin Yu. V. On early Kulay sites in the Upper Ob' basin. *Russian Archaeology*, 2004, (2): 51–60. (In Russ.)
24. Shirin Yu. V. Placement and cultural specificity of the southern groups of monuments of Kulai cultural continuity. *Integration of archaeologic and ethnographic research*, ed. N. A. Tomilov. Barnaul; Omsk: Nauka, 2015, 145–148. (In Russ.)
25. Gorbunov V. V., Kungurov A. L. The sites of the first half of the 1st millennium AD of the archaeological complex Maly Gonninsky Cordon-1 in the Barnaul Ob region. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, (2): 150–157. (In Russ.) DOI: 10.14258/izvasu(2018)2-26
26. Gorbunov V. V., Papin D. V. Location of MGK-1 – a new monument of the Fominsk stage of the Kulai culture. *Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory*, 2017, (23): 66–70. (In Russ.)
27. Chemyakin Yu. P. On the lower date and area of formation of the Kulai culture. *Integration of archaeologic and ethnographic research*, ed. N. A. Tomilov. Barnaul; Omsk: Nauka, 2015, 136–139. (In Russ.)
28. Rybakov D. Yu. Ceramic complex of settlement Ryzakovo (Dukhovoe). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2011, (11): 87–94. (In Russ.)
29. Rybakov D. Yu. Statistical analysis of Timiryazev III hillfort's pottery complex and its cultural and chronological context. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2016, (4): 156–161. (In Russ.) DOI: 10.17223/19988613/42/28